

Государственный архив в г.Шадринске
Государственный архив в г.Шадринске

[Карта сайта](#) [Вниз](#)

• [Главная страница](#)

[Главная страница](#) » [Публикации](#) » Эвакуированные дети в Зауралье

"Кончилась мирная жизнь страны,
Снова пришлось воевать.
Ворвалась к нам, ничего не сказав,
Проклятых фашистов рать.
По городу Ленина отдан приказ :
"Детей вглубь страны увозить,
Чтоб враг беспощадный, коварный и
злой
Их жизни не мог погубить!"

Ленинградец Пернов Шурик, 1942г.,
14 лет, воспитанник Першинского
интерната.

В годы Великой Отечественной войны зауральская земля как могла обогрела и дала кров тысячам эвакуированных детей, в одночасье оторванных от родителей, семьи, знакомого двора, растерянным и бессильным против навалившегося горя.

В документах архивных фондов таких как Шадринский горисполком, Шадринский райисполком, Шатровский райисполком, Батурицкий райисполком, личный фонд М.П.Бирюкова сохранилось значительное количество документов о приезде, о подготовке помещений и имущества для приема эвакуированных детей, списки детей и сотрудников. Большой интерес представляют документы о деятельности интернатов и детских домов: это и ежедневное меню по столовой и переписка с учреждениями по снабжению.

Не менее интересна переписка краеведа М.П.Бирюкова, (находящаяся в его личном фонде 1060) уроженца села Першинское Далматовского района Курганской области, много лет посвятившего написанию истории своего родного села. Долго и кропотливо Михаил Павлович вел переписку с бывшими воспитанниками Першинского интерната, эвакуированной школы № 235 Октябрьского района города Ленинграда.

Переписка велась в конце 60-х в начале 70-х годов. После военного лихолетья прошли десятки лет. Но взрослые люди помнят до мельчайших подробностей проведенные годы в Першино: как долго и мучительно добирались дети до города Далматова, как тяжело было переживать первую уральскую зиму, как много приходилось работать, чтобы выжить.

Большинство примеров из жизни детей в эвакуации в статье приведены из этих подлинных писем.

Изучив только небольшую толику документов, сложилась яркая картина тех трагических дней.

Эшелоны с эвакуированными, в нашей области их называли беженцами, начали прибывать с июля месяца 1941 года. Среди эвакуированных были дети из Белоруссии, Москвы, Карелии, Орловской и Полтавской областей.

Но особенно много ленинградских детей нашли временное место жительства в городах и селах Зауралья.

В Ленинграде сбор детей шел под постоянными обстрелами на площади Восстания. Детей эвакуировали уже сложившимися коллективами: детскими садами, школами, интернатами, детскими домами. Чтобы не было суеты и сумятицы, родителям не сообщали, где будет сбор. Естественно, родители узнали место сбора. И детей увозили на вокзалы через живой тоннель плачущих матерей, сестер, бабушек, которые вынуждены были остаться рыть окопы. Родители говорили своим детям, что их увозят на дачу. Никто не представлял, надолго ли уезжают дети, что им дать с собой? Было лето и немногие родители догадались положить своему ребенку зимнюю одежду, постельное белье или лишнюю пару обуви, в которых дети в дальнейшем очень нуждались.¹

За первые полгода войны в область прибыло около 30 тысяч детей.

Всего в Зауралье в военные годы функционировало 176 детских домов и интернатов.²

Шадринские районы к осени ожидали около 7 тысяч эвакуированных.³

В Шадринске одним из первых решением горисполкома от 22 июля 1941 года был организован детский дом № 1 из эвакуированного Дымановского детского дома из Витебской области Белоруссии. Штат детдома на 1 мая 1942 г. был 27 человек. Из города Витебска прибыл детский дом, который занял здание школы глухонемых по ул. Пионерской, 24.

30 июля прибывает Ленинградский интернат № 442, который заселяют по улице Октябрьской, 63. Сюда же, в августе, на другой этаж поселится Ленинградский интернат № 18/249.

С 30 июля в городе значится Ленинградский интернат № 22, дети этого интерната будут жить в начальной школе № 8, по ул. Советской, 80 и дом-интернат № 49 Ленинградского научно-исследовательского института № 49, находился он в доме по ул. Коммуны, 114.⁴

В Шадринск был эвакуирован также Московский деткомбинат № 1 Управления Делами ЦК ВКП(б), учились дети членов ЦК в школе № 7. Присутствие их в городе, во избежание диверсий, держалось в тайне.⁵

6 сентября из г. Клинцы Брянской области прибыло четыре детских сада. Их селят в близлежащие села Шадринского района: село Маслянское приняло детский сад № 1, Кабанье - д/сад № 2, Погадайка - № 3, села Красномыльское и Сухринское - детский сад № 8.⁶

24 сентября в Шадринск прибывает 400 детей из г. Москвы. Большинство детей распределяют по Батуриному району, находящемуся в 30 км от Шадринска. Сто человек направляют в само Батурино, где их поселяют в помещение бывшей аптеки и швейной мастерской. Сто детей находят кров в селе Кабанье, им выделяют помещение школы и клуба. Следующих сто селят в здание клуба села Красномыльское. А остальных 50 детей приютили в с. Макарово и 50 - в с. Хлызово.⁷

В Шатровский район всего эвакуированных из г. Ленинграда прибыло 943 ребенка. В самом с. Шатрово поселился Ленинградский пионерский дом им. Сталина (179 детей: трое до 7 лет, 176 в возрасте от 7 до 16 лет) и Чкаловский детский дом (дети сироты от 7 до 16 лет).

В селе Саламатово поселили 94 ребенка (10 - до 7 лет, 84 - от 7 до 16). В с. Мостовка 1-я разместился детский дом для глубоко умственно-

отсталых детей им. Ушинского (182 ребенка, 9 - до 7 лет и 173 - от 7 до 16). В с. Ильино - 126 детей Ленинградского д/дома. В село Ирюм детский дом для эвакуированных детей прибудет немного позднее.⁸

Кроме этого, интернаты для детей из Ленинграда были в д. Тюриково Шадринского района.

Не один интернат ленинградских детей обогрела далматовская земля. Детские дома и интернаты были в селе Першинском, Смирново, Крутиха. Все перечисленные детские дома и интернаты - это малая доля от общей цифры 176.

Сколько проблем возникало и в короткие сроки решалось в связи с таким большим количеством прибывающих детей!

Почти полтора месяца добирались дети 1928 -1939 гг. рождения в грузовых вагонах до Зауралья, что жили в с. Першинском. Зима 1941 года была на редкость суровой , держались сильные морозы. В неотапливаемые вагоны были поставлены печки-буржуйки, их приходилось долго топить, чтоб в вагоне хоть немного потеплело. За новой порцией дров нужно было на стоянках открывать огромную дверь, а это означало выпустить тепло, которое надышали дети.

От недостатка тепла на стенах намерзал иней и снег. Его скребли, когда не было воды. У стен спали по очереди, чтобы не застудиться. На стоянках выдавали продукты. Холод и голод дети испытывали постоянно. Большие дети терпели, помогали малышам. Малыши как мышата плакали постоянно, произнося лишь одно слово "мама", оно грело растерянные души детишек.

За долгий путь было несколько трагических ситуаций: горел вагон с детьми, пожар удалось быстро потушить. У одного вагона сломался кран и его с сорока дошкольниками в 20-ти градусный мороз отцепили и поставили в тупик, забыв о нем. Молодая воспитательница только на вторые сутки поняла, что они не едут, а стоят в тупике. Дети погибли бы, если бы не её беготня и слезы. Кран отремонтировали, вагон подцепили к другому эшелону с семьями военнослужащих и он прибыл на станцию Далматово раньше остальных.⁹

В области детей ждали. Шадринский горисполком и райисполком на своих заседаниях решают вопросы приема и устройства эвакуированных. В короткий срок нужно было подготовить жилые площади, выделить инвентарь и мебель. Заселение эвакуированных

шло, в основном, в школы и клубы. В первую очередь, нужно было оборудовать помещения под кухни, заготовить сено и солому для набивки матрасов. Промкомбинат обязали выделить плотников для изготовления топчанов, столов, табуреток, заврайлесхозом - выделить деланки для заготовки дров. 3 ноября, решением исполкома Челябинского облсовета, на приспособление помещений для эвакуированных детей было выделено области 45 тысяч рублей, из них 4 тысячи - Шадринскому району.¹⁰ Особая проблема для области была в обеспечении продуктами, овощами, мылом, керосином. Жители сами еле сводили концы с концами.

Постоянно не хватало воспитателей. Приходилось работать с раннего утра до поздней ночи. Решили поднять общественниц: «... организовать актив женщин-общественниц, чтобы обеспечить материнский уход за детьми детских интернатов.» Однако это решение кадров не прибавило, нехватка кадров была весь период эвакуации.

Директора интернатов и детских домов должны были "обеспечить 100% охват эвакуированных детей школой. Организовать дополнительные классы. В связи с увеличением контингента увеличить наполняемость классов, в исключительных случаях организовать 3-х сменную учебу, зарезервировать 600 тыс. рублей на содержание эвакуированных школьников. «Челябинский облоно» должен был выполнить план закупок подержанных учебников. Выяснить возможность производства чернильного порошка в области. Имеющиеся лампы продавать в первую очередь в школы. Организовать через родительские комитеты сбор и ремонт старых ламп и горелок.»¹¹

Но жизнь чаще текла не по указаниям сверху, а по своим внутренним законам. Директорам интернатов и детских домов приходилось обивать пороги и исполкомов, и советов, и многих других учреждений, чтобы достать гвозди, стекла, продукты, бачки для питья, матрасы...

Всю войну катастрофически не хватало обуви, теплой одежды. Частенько в школу из-за отсутствия обуви ходили по очереди. Так в Першино на 81 воспитанника было 28 пар ветхих пимов. В темное время суток жили при коптилках. Первая зима была настоящим испытанием для детей, особенно страдали от голода, вшей. Овощей не хватало и "всю зиму ели каждый день гороховый суп. Сначала водичку, а горох на второе." Местные дразнили: "В интернате плохо жить, в интернате порция." Голод восполняли как могли: в консервных банках пекли лук,

одна девочка сменяла простынь на картошку. Как-то, лазая в церкви, любопытные мальчишки под полом обнаружили зерно, его там сушили осенью. Постоянно голодные, они осторожно по зернышку выбрали зерно и съели. Да если бы ещё не помощь местных в первую зиму эвакуации, жить было бы вдвойне тяжелее.

Однако нужно отметить, что дети с первых дней своим трудом показали, что они на хлебниками для местных жителей не будут. Все дети были заняты с раннего утра до позднего вечера. У каждого было свое поручение на день. Ежедневно дежурили на кухне, в спальнях, комнатах и плюс школа, уроки. Особенно много приходилось работать старшим школьникам на кухне. Нужно было достать овощи, начистить их, помыть посуду, полы. Для этого требовалось очень много воды. Будили утром рано, чтобы до школы успеть наносить воды из колодца. Зимой веревка постоянно была покрыта льдом, детские ручки примерзали к ней. Ранней пробудки требовала и топка печей, и заготовка дров для них и для кухни. За дровами ходили на выделенную колхозом делянку, сами пилили деревья, рубили ветки и тащили их на себе. Одни воспитанники вспоминают: «Никакого отдыха изо дня в день. Однажды в выходной собрались на лыжах, но не успели и часу покататься, как снова позвали пилить дрова.»¹² Но все-таки большинство вспоминают, что успевали все: и поработать, и побалагурить, и подраться, и поиграть, и пошалить, несмотря на непроходящую усталость.

За лето дети крепили, здоровели, подрастали.

Большинство детских домов - интернатов уже весной или же осенью 1942 года обзавелось солидными подсобными хозяйствами. Например, Ильинскому интернату в Шатровском районе было выделено 10 га посева, Ирюмскому детскому дому - 8 га. Власти обязали колхозы: "выделить детским учреждениям для развития подсобного хозяйства лошадей, свиней, овец."¹³

В Першинском интернате была своя лошадь "Чалка", корова "Красотка", свиньи и даже собака "Трезор". Частенько за картошку интернатские помогали местным на их личных огородах.

В Зауралье лето всегда урожайное на ягоды, грибы, овощи, картошку. Ленинградские дети "были удивлены богатством лесов" и плодородием зауральской земли. Им, городским жителям, нравилось косить сено и собирать его в стога, вдыхая аромат незнакомых трав. Мальчики просились на кухню потому, что за отличное дежурство премией была

поездка на лошади за дровами, за хлебом. Езда верхом на лошади была высшим классом удовольствия. Все любили собирать землянику по березовому редколесью и вырубкам.

Осенью 1942 года получили свой урожай картофеля и овощей, насолили грибов, хоть немного, но было свое молоко.

И следующая зима показалась короче. Девочки доили корову, занимались починкой белья, одежды. За каждой девочкой постарше были прикреплены малыши и мальчик. Мучили клопы, поэтому часто вытаскивали матрасы, выбивали их. Топчаны шпарили кипятком. Мальчикам приходилось делать любую работу: пилить дрова, ходить за свиньями, носить воду, мыть пол, чистить картошку. Во всех школах был введен предмет "Военное дело". Почти все - и мальчики, и девочки - старались иметь по нему "отлично". Мальчишки с особым рвением изучали ружье, стреляли из него и ... мечтали встретить хоть одного немца и отомстить за свои страдания, за потерю близких. Детям, кроме голода, холода и усталости, приходилось переносить и потерю близких. Почти у всех отцы воевали на фронте, а матери остались в блокадном Ленинграде и в оккупации. Часто приходили известия о смерти матерей и гибели братьев, отцов на фронте.

Воспитателям приходилось сначала сообщать детям трагические известия, затем терпеливо успокаивать плачущих детей. По дому скучали все, частенько плакали, вспоминая близких, малую Родину.

Недоедание, простуды давали о себе знать: были случаи заболевания туберкулезом и среди воспитанников, и среди воспитателей. Больных отправляли в Челябинскую больницу и в санатории области, где они подолгу лечились.

После снятия блокады, в интернаты и детские дома с ленинградскими детьми стали приходиться вызовы от уцелевших родственников. Были случаи, когда родители сами приезжали за своими детьми и они вместе возвращались на родину.

Нередки были случаи, что дети в эвакуации становились сиротами и им некуда было возвращаться. Самым тяжелым было расставание с ними, их распределяли по детским домам Зауралья, старших устраивали в ФЗУ Челябинской области. А директор Першинского интерната Бурмистрова Ольга Михайловна на свой риск не оставила трех детей, а

забрала с собой в Ленинград, устроила там их в ФЗУ, а один мальчик, Машинистов Вова «стал ей родным сыном».

Только Шадринским горотделом народного образования за годы Великой Отечественной войны на опеку, патронирование и усыновление было отдано 217 детей.¹⁴

В 1945 году детские дома и интернаты выезжали в свои родные места в течение лета специальными рейсами. Районные организации устраивали торжественные проводы, часто поезда отходили под звуки духового оркестра.

В Ленинграде многие дети, боясь «городской программы, пошли в школу на ступень ниже.»¹⁵ Большинство окончивших семилетку пошли учиться дальше, многие получили высшее образование, почти все нашли свое место в жизни.

И часто при встречах с товарищами по эвакуации или наедине со своей памятью вспоминают с благодарностью зауральские села и города, что приютили их в детстве на четыре тяжелых военных года.

Нач. отдела ГУ "ГАЗ" Л.А. Бякова